

18+

Алексей Болотников

ВОРОНЫ ТУНДРЫ

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЕЗОН — 1973

Алексей Болотников

**Вороньи тундры.
Геологический сезон – 1973**

«Издательские решения»

Болотников А.

Вороньи тундры. Геологический сезон – 1973 / А. Болотников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518878-6

Студент-геолог сибирского института Кеша Семёнов волею судьбы попал на поиски редкометальных руд в Вороньих тундрах (Кольский полуостров). Маршруты, рыбалка, увлечённые люди, белые ночи — романтика первозданного Севера — приглашают читателя в виртуальное путешествие с геологами, чтобы воочию пережить перипетии событий одного полевого сезона. Читается легко и захватывающе.

ISBN 978-5-00-518878-6

© Болотников А.
© Издательские решения

Содержание

Вороньи тундры	7
О скуке и капустном пироге	7
Открытие сезона	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вороньи тундры Геологический сезон – 1973

Алексей Болотников

© Алексей Болотников, 2020

ISBN 978-5-0051-8878-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Открыв дверцу печи, моложавый старик аккуратно клал березовые полешки в алый жар углей.

Лицо, озарённое светом, охватывало приятным теплом. Ноздри улавливали горячий дым. Что-то ещё – невыразимо-томное! – услаждало старого. Стоя на колене, он несколько секунд ждал, когда вспыхнет новая пламя и затрещит-загудит печная топка.

И, прикрывая дверцу печи, надолго смыкал веки.

Поднимаясь с колена, с опорой на низенькую табуретку, он пересаживался в кресло, стоящее у стола, и снова открывал папку. На ее потрёпанной лицевой обложке цветом блёклого аметиста было написано

Вороньи тундры *Геологический сезон 1973*

О скуке и капустном пироге

Кеха Семёнов устало плюхнулся в кресло. Попытался сунуть руки в карманы поношенных джинсов, но, оценив всю тягость этого усилия, только скользнул ладонями по бёдрам и безвольно повис в кожаном сиденье.

В зале ожидания, как призрак бывшего уюта, присутствовал тронутый прахом обязательный набор гостиничных атрибутов: большое старомодное трюмо с почерневшим зеркалом, уместившееся на трёх резных ножках; окрашенная ультрамарином кадка с декоративным неухоженным деревом; в углу – алюминиевый бачок с дюралевой кружкой на цепи... Резко бросался в глаза плакат – символ авиации местного значения: «роза ветров» на пёстром фоне северного сияния. В геометрический центр розы безвестный художник искусно вписал лик Феба. Бог солнца хищно щурился, лукаво всматриваясь в пассажиров. Каждого вызывал на состязание.

Семёнов надолго остановил на нём взгляд, пытаясь отразить собственной гримасой этот ушмешливый и пожирающий прищур. Глаз Феба потеплел. Оранжевый отсвет сияния усилился, точно пламя в керосиновой лампе, покинул глазницы и потёк под ноги – лучистым бархатным реальгаром... Захватывал щиколотки, колени, руки, стискивая банным паром и, показалось, запахом хвойной смолы. Достигнув глаз, неукротимый вал тепла и запаха внезапно зазеленел пламенным малахитом, лаская покоем и неземным наслаждением... Зелень утопила сознание... Баюкала... Щекотала ноздри... Внезапно Семёнов уронил руку и – очнулся... Зелень испарилась из глаз, мгновенно свернувшись незримой улиткой. Зал... Пустые кресла вокруг. Тишина...

В дверь зала один за другим протиснулись три шуплых пацанёнка и принялись молча теревить сидевшую у входа бабку. Она не замечала приставаний, словно суету мух.

Кеха пригляделся: лопарка читала Шолохова. Длинные её юбки, по-цыгански пёстрые, покрывали щедушное тело от шеи до пят. Были видны лишь ступни босых ног.

Бабуля досадливо отодвигала то одного, то другого внука, нетерпеливо скрючивала пальцы ног и упорно ни на что не обращала внимания. Однако, ребяташки вынудили-таки. Бабуля сердито зашипела, незаметным движением колыхнула складки одежды, сунула ребятам в руки по рублю. Внуки кинулись через зал в буфет. Лопарка уткнулась в книгу.

Кеха Семёнов хмыкнул, ещё раз померился силою взгляда с Фебом, сдаваясь, прикрыл глаза и вздохнул:

– Ннда-а-а, ожидалочка... Ждать да догонять... Как там у великих?.. «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их... – наша задача»...

Днём раньше он ехал в Иркутский аэропорт, тяготясь массой и тяжестью абалаковского рюкзака. Ни малахита, ни реальгара на трассе, покачивающей автобус с ранними пассажирами. Привычная экзотика сибирской обыденности, которой замылился глаз. Но на сердце лежала непреходящая радость начатого путешествия – сгусток счастья, любопытства, томительного ожидания... В порту поджидал коллега, доставивший сюда три центнера экспедиционного груза: баулы, тюки, рюкзаки... Этим габаритам предстояло более семи тысяч вёрст подпорчивать путешествие, ибо – тягло... Добавив свой рюкзак в общую кучу, Семёнов пожал руку коллеге и, отвалившись к стенке, сполз задницей на пол. Демонстрировал смертельную усталость.

Их ожидали столицы. Москва, Питер... И трудно вообразимый отрезок пути до неведомого Ловозера в глубинах Вороньих тундр. И ещё нечто фантастическое, завернутое в обложку «терра инкогнито»...

Преодолели без спешки и суеты. И вот очередная пересадка на последнем аппендиксе путешествия... Семёнов, как и его спутник, тяготился простым.

В условиях сурового Заполярья он надеялся любоваться суперпейзажами белых ночей, бесконечно-таинственными полузакатами и восходами светила, ночами не уходящего за горизонт. Картинами, словесно и доходчиво расписанными Кехиным однокашником Саней Пельменёвым, год назад сидевшем в этом кресле. И чем-то ещё – щемительно-нежным, утончённым, но неизведанным, а потому особенно желанным: то ли умопомрачительной тайной северного сияния, то ли вкусом терпко-хмельной ягоды морошки...

Но был день самого начала лета, и все общеизвестные прелести заполярных широт были загрунтованы скукой и духотой этого дня, как воображаемая многоцветная акварель – грубым полотном холста. Младший лаборант Лаборатории пегматитов уважаемого сибирского Института Геохимии, Кеха Семёнов был ужасно удручён.

Он ехал со своим шефом Пал Палычем на очередной геологический сезон в Вороньи Тундры. Для Семёнова первый сезон, а для Лаборатории, которую они представляли с шефом, последний, не планированный ранее, ограниченный в сроках, не обещающий никаких фуроров.

Пал Палыч, едва въехали на территорию аэропорта, ушёл узнать эпилог истории романа кладовщицы порта Раечки с авиатором Дыриным. Год назад история поразила Пал Палыча классической стройностью сюжета, в котором он сыграл весьма представительную роль столичного донжуана. Весь текущий год и особенно последнюю неделю Пал Палыч оптимистично обрабатывал роль по плану второй серии романа.

Кеха Семёнов бездействовал. Вернее было бы сказать, дремал, – утомлённый, сморённый духотой и разочарованием – вытянув ноги и скрестив на груди руки. Но сон не приходил, и младший лаборант, прищутив глаза, наблюдал текущую перед ним монотонную жизнь старенького аэропорта.

Песчаное лёгкое поле, окаймлённое жёлто-зелёным ёрником, разнотравьем и колючими кустиками карибу мха, было пустынно. Маленькие «Ан-2» и Ми-2», свободные от работы, примостились одиночками у небольшого озера. Голопузые лопарские бутузы копошились под надзором отцов-авиаремонтников, дремлющих под крыльями отдыхающих машин, и не было им дела до белого солнца, до нещадного кольского комарья.

После редкого взлёта, либо такой же редкой посадки, над взлётным полем надолго зависало жёлтое облако пыли, которое, возмутив окружающую среду, растаскивалось внезапными завихрениями и быстрыми тёплыми сквознячками, медленно и неохотно возвращалось в земную колыбель своя.

Сделав сии наблюдения, ценные, увы, не важностью научных заключений, а лишь способностью лаборанта устойчиво мыслить, Кеха снова уснул. В этот самый момент его обнаружил после недолгих поисков Пал Палыч, потный, лоснящийся полным лицом и телесами, крепыш.

Поставив руки на бёдра, Пал Палыч равнодушно скользнул взглядом чуть выше переносицы, осмотрел носки своих запыхавшихся ботинок. В недалёком прошлом этим грубоватым, но добротным «вибрам» отдавались сибирская земная твердь и хлябь, а чуть позднее – просторы утопанных улиц столиц, Африканды, Кировска, Апатитов, а вот сейчас, в эти минуты, предполагалось изнашивать область их подошв в не столь отдалённых, но труднодоступных местах под названием «Вороньи Тундры». Но никак не здесь!

Пал Палыч омрачённо размышлял. Он минуту обдумывал что-то довольно скучное и подтвердил свои мысли словом:

– Скучно, мальчик. Скука – самое отвратительное свойство духа.

Скосив глаза, Пал Палыч нашёл состояние Семёнова анабиозным, и это открытие повергло его в нелирическую тоску.

В Вороньи Тундры на неделе никто не летел.

Чётко вырисовывалась перспектива проторчать на последнем аппендиксе долгого пути ещё день. И два, и три... А укороченный сезон не предусматривал такой задержки. И Пал Палыч, отвечая за срочность работ, а более того, лелея летний отпуск, категорически исключал портовую волокиту. И хотя на неделе – по проверенным данным – из рейса должна вернуться Раечка, летавшая теперь бортпроводницей, Пал Палыча перспектива не вдохновляла. До Вороньих Тундр пешим ходом добротные «вибры», очевидно, не дотянут. Да и снаряжение... А этот меланхолик в ранге младшего лаборанта?.. Да и Раечка давно уже стала Дыриной...

Кеха, полуприкрыв глаза, пронаблюдал игру раздумий на лице шефа и впал в безответственный анабиоз. В анабиозе было хорошо. Усталые ноги лаборанта охватывал приятный зуд расслабления, отступали с поля зрения ненаучные наблюдения, никто не лез с разговорами даже на предмет пегих волос головы Семёнова. И, вероятно, именно из-за отсутствия назойливого собеседника, эту голову посещали ничего незначащие мысли о северном сиянии и смертной скуке, Шолохове и бортпроводнице Раечке, об Эрмитаже и капустном пироге. Но такова уж жизнь, а зуд расслабления имеет свойство превращаться в позывы голода, и мысль о капустном пироге закономерно вытесняет всё остальное и обретает значимость.

В буфете Семёнов попросил котлету с картофельным пюре и два стакана томатного сока. Пока буфетчица колдовала у плиты, он выпил один стакан и, подумав, пригубил второй. Попросил чая.

– Тебе пюре-то поджарить? – спросила, улыбнувшись, буфетчица. – Сладковатое оно у нас, а с лучком поджарю, да на сале и вроде бы ничего...

– Да, можно, – согласился Семенов. Взял чай, облокотился на стойку и скользнул взглядом по бару буфета, выполненному по канонам закусочных заведений.

– У вас пьют?.. – спросил Кеха, кивая в сторону бара.

Буфетчица снова улыбнулась. Она долго и тщательно вытирала полотенцем руки, изредка взглядывая на Кеху.

– Тётя Саша меня зовут. А тебя как?

– Иннокентий.

– Пьют у нас редко... Мало у нас пьют, Кеша. То на выходной пилоты идут, у меня, знаешь, отмечают, то с женой кто поцапается – зайдёт. А ваш брат – пассажир – тот только глазами. – она снова улыбнулась, – Мне это не на руку, но больше по душе. Пьяные-то вы бузотёры, а то и совсем никчёмные люди... Ты, поди-ка, выпьешь?..

– Не-нет! – поперхнулся Семёнов.

– А то гляди...

Тётя Саша ловко перевернула сковородочку, переваливая поджаренное пюре в тарелочку, сюда же смахнула с листа горячую котлету, бросила сверху что-то ярко-зелёное и протянула блюдо прямо в руки Семёнову.

– Ешь, Кеша. Ещё, поди-ка, соку?..

Она налегла на стойку телом, со сложенными под грудью руками, рассеянно улыбаясь, смотрела, как парень ест.

В буфет вошли новые пассажиры и тут же вышли, обшарив неголодным взглядом простенькое меню. Тётя Саша, казалось, не заметила их. Она протёрла полотенцем стойку, пощёлка выключателями печи, налила себе стакан холодного сока.

– А что, – снова нарушил молчание Семёнов, – у вас всегда такая скука?..

– Да разве скучно? – вопросом же ответила буфетчица. – Тихо только... А вот в субботу у нас питерские девчата были. Бойкущие! А одна, знаешь, царь-девка!.. Как посмотрит... Плечи прямо носит. А ест, ест!.. Нет, наши девки, так поесть не умеют!

Тётя Саша неожиданно сильно зажмурилась, широко улыбнулась и так повела рукой, словно осторожно положила в рот изумительный серебряный колокольчик.

– А то, знаешь, фокусник, как-то пролетал... А сам простой. В пиджаке, кепке. И фокусы его... ну, прямо чудеса! Ты, поди, фокусы знаешь? – тётя Саша заинтересованно глянула на Семёнова и без остановки продолжала – И стаканы-то у него на боку стоят, и тарелки, как волчки, закручиваются... Нет, у нас не скучно. Безлюдно иногда – так это непогода. А ты поди, поди-ка в радиорубку... Там Катюшка такая есть – познакомись. Скуку как рукой снимет, – тётя Саша улыбнулась знакомой улыбкой и загадочно замолчала, глядя то на Семёнова, то сквозь него, на какие-то свои, только что озарившиеся в её сознании, образы.

Семёнов попробовал поставить стакан на ребро, заинтересованно прочёл висевшее в рамке меню, допил стакан сока, и, отсчитав копейки, спросил:

– Ну, я пойду?..

– Иди-иди. Табличка там страшная, «посторонним запрещено», так ты не будь посторонним... Катюшка одна, а другая, значит, Галка, косит чуть-чуть... И не скучай, Иннокентий!.. Не скучай!

Лицо буфетчицы ещё раз озарилось улыбкой. Семёнову вдруг почудилось, что встречал её раньше: доброжелательный взгляд открытых и внимательных глаз, простенькая причёска с тугим пучком волос на затылке, округлый, мягко очерченный подбородок. Лик без особых примет. Оно как будто впитало в себя миллионы индивидуальных лиц и, обобщая отдельные несхожие черты, приняло то выражение, которое неуловимо, но разительно похоже на своё несуществующее подобие. Семёнов встречал это лицо в поездах и гостиницах, на сельских дорогах и в городской сутолоке улиц. Он попробовал представить такое лицо за прилавком ювелирного магазина, за ресторанным столиком, в театральной ложе, либо в рабочем президиуме... Лицо уплывало, очертания его искажались, принимая то масочное выражение, то черты смущения и полной растерянности.

Конечно же, он встречал тётю Сашу много раз, когда надо было открыть кому-то душу, когда нестерпимо хотелось говорить или плакать, либо, наоборот, угрюмо молчать под чью-то врачующую, неторопливую, бесхитростную речь. И он знал такие моменты, но как ни силился – не вспомнил ни одного реального лица, похожего на лицо буфетчицы. Кеха остановился в дверях, повернулся к тёте Саше, подмигнул ей, сказал:

– Спасибо, тётя Саша. Всё было... очень вкусно.

Буфетчица часто-часто закивала головой, снова загадочно улыбаясь, благодарно ответила Семёнову взглядом и легонько помахала рукой, на которой висел неизвестно откуда взявшийся трафарет «Не включать – работают люди».

После обеда Семёнов нашёл Пал Палыча у аэропортового склада. Скромно, но уютно устроившись в благодатной тени высокого подтоварника, методично уничтожая назойливых комаров, шеф аккуратно колдовал над скоросшивателем: зелёные, синие, розовые билеты и бумажки окружали его замысловатым веером. Пал Палыч увлечённо сопел, подбирая нехитрый бумажный пасьянс.

– Главное, мальчик, отчётность, – обронил он пустое слово на безмолвный вопрос Семёнова.

Семёнов пожал плечами и, подломив колени, растянулся рядом. Сытость располагала ко сну.

– Паш, у тя скрепки есть? – невинно спросил Кеха.

– Есть.

– А дырокол есть?.. А папье-маше? Бюро?... Бюрократ ты, Паша. А я откушал в обществе тёти Саши. Она открыла мне тайну... капустного пирога.

Шеф молчал. Он уже приобрёл иммунитет к послеобеденному бреду младшего лаборанта и многозначительным молчанием выражал глубокое безразличие к его обильному словесному недержанию.

– Пал Палыч, призвать к порядку лёгкую авиацию можно? – неожиданно переключился Кеха. – Существует такой порядок? Инструкция на этот случай есть?.. Чего ждём-то? Сидим... Высматриваем.

Ожидание действительно становилось невыносимым. Хотелось хорошей разгрузки, либо абсолютного покоя. А Пал Палыч, казалось Семёнову, не испытывал никаких чувств и тем ещё более угнетал парня. Семёнов заводился сам и задирашефа.

– Вот скажи-ка мне, – настаивал он, – почему вы, геологи, какими-то нерешительными становитесь, как только до разговоров с летунами доходит. Робкими до скрючивания пальцев... Неспособными потребовать права. Противно видеть... Понятно: летуны в форме с погончиками, наглажены и до синевы выбриты, а наш брат перед ними, словно неандертальское чучело перед небесным Аполлоном. Хотя тоже в форме. В хлопчатобумажной. Но – небрит! И удостоверение личности дома... на комод... забыл. Но это же всё ат-ри-бу-ты профес-сии! А суть-то... она проста.

– А в чём же суть?

– Погоди... Глянь, не к нам ли чешут?

В прямо противоположном направлении ленивой стайкой удалялись девичьи фигурки. Семёнов, деланно задрав голову, проследил их исчезновение и пробормотал:

– Все прекрасные ундины проплывают, будто льдины... Да! – Кстати, – снова оживился, – как твои амурные амбиции, Паша? Видимо, слава сибирского дон Гуана...

... – не даёт тебе покоя. Снимай-ка ты, балабол, джинсовое и голубое, надо ящики вон к той машине таскать. – Пал Палыч неопределённо мотнул головой, но Кеха интуитивно и озадаченно обернулся и оглядел горизонт.

– Таскать? Опять таскать? – искренне изумился он.

– Привыкай, – отрезал Пал Палыч. – Этот крест мы сами себе выбрали.

Помолчали.

– Кстати! Насчёт креста... – снова нашёлся Семёнов. – Как обременённый жизненным опытом муж... как криминалист натуры, ты, видимо... – Семёнов повертел пальцами в поисках мысли и, не найдя её, небрежно отмахнулся. – Меня долго преследует одно лицо. Или случай. Сон... Вот из Эрмитажа я вышел с Екатериной Второй... Еле отцепился от неё в самолёте над Африкандой. В Апатитах меня клеила молодая апача с таким вы-ы-резом... А тут – тётя Саша. Она, кажется, проглотила улыбку Моны Лизы...

– Миражи! – одним словом резюмировал шеф.

– Да. Ты как думаешь, это от лукавого, или...

– Тебя тяготит?..

– Нет, но я помню все фотолица с витрины «Их разыскивает милиция» и боюсь в любой момент обнаружить среди вас одно из них.

Пал Палыч хохотнул и громко захлопнул скоросшиватель.

– Вы шизик, мальчик. Вас следует лечить. Но сейчас главное – не ваш комплекс. Главное – ящики. Вечером мы вылетаем в Вороньи тундры! На вертопрахе! Фьють!.. – и он принялся раздеваться.

– А может, грузовичок, Паша? – снова загрустил Кеха. Три центнера экспедиционного груза изрядно омрачали нескучный вояж.

– Нечем рассчитывать, – шеф побарабанил пальцами по пустой фляжке и поднялся на ноги.

Раздевшись, парни схватили самый тяжёлый выючник и, одной рукой отмахивая оживившийся комариный сабантуй, побежали к стоящему у озерка вертолёту.

– Крест, говоришь, да?.. Не от большого ума этот крест – от ленивого. Горе от ума... сизифы российское... Зачем всё на пуп брать?.. Думать надо! Где местный эскалатор? Где электрокар? Почему ящики туда, а не машину – суда? Где полторки, как средство передвижения? А в вузовской обязаловке – физхимия и химфизика, сопромат и детали машин... Техмех, наконец. Ты это проходил?.. А прошёл – действуй! Верни Родине долг, ...дай, руку перехвачу... дай Родине эскалатор «Иркутск-тундра», микрополторку – но дай! А крест... крест – в музей!

– Перекур, – оборвал Пал Палыч страстную филиппику младшего лаборанта. – Ум, сопромат – это хорошо. А таскать – надо. Этот крест нам от предков достался. Можно уточнить – от обезьян. Правда, до нас дошёл в облегчённом варианте. Бери!

– Вот это, – Кеха лягнул выючник, – в облегчённом? А ты оптимист...

От вертолёта отошёл человек и что-то прокричал. Пал Палыч встрепенулся и живо ухватился за ремень выючника.

– Бери же!..

Семёнов привстал. В сторону вертолёта он сделал недоумевающий жест, одновременно движением руки останавливая прыть шефа. Человек у вертолёта замахал руками, давая отбой. Семёнов побежал ему навстречу и вскоре, не спеша, вернулся.

– Машину подадут к складу. Это обычный, – он подчеркнул, – обычный! приём погрузки. Вот те и крест!.. В порядке наказания за бессмысленный оптимизм надо бы вернуть выючник на место на... твоём хребте. Но я добрый, я помогу... – И он уселся на выючник, рядом с шефом, спиной к спине.

Молчали.

Кеха кожей чувствовал, что шеф обиделся. И пусть! Виноват. Постеснялся спросить о порядке погрузки. И всё же Семёнову было неловко за свою бестактность.

– Да! – вдруг вспомнил он, – так вот, суть-то в том, что мы, русские сизифы, изобретательно организуем трудности, а затем бодро начинаем их преодолевать... Пример – повышенные обязательства. Так? Встречные планы? Правильно я говорю?..

Но шеф молчал. Замолчал и Семёнов. Он покусывал травинку, шурил глаз и, казалось, потерял к собеседнику всякий интерес. А через минуту, не оборачивая головы, сменив интонацию, снова спросил:

– И всё-таки, Паша, почему мы не пользуемся законными правами? Вертолётчики диктуют нам свои условия: туда не полечу, здесь не сяду, это не возьму... А это – дай... А в заявке написано... «причина невыполнения заявки»... Бац – заявка. Бац – невыполнение. Бац – денежный начёт... Законно? Законно.

– А как же на рыбалку, Семёнов? – в тон ему спросил Пал Палыч.

– На какую рыбалку? – искренне удивился Кеха.

– На тайменью, хайрюзовую, форелью... На оленя, сохатого – как? – Семёнов развернулся всем туловищем и разом встал.

– Пал Палыч! – изумлённо выговорил Кеха и, словно читая мысли шефа, вперился ему в глаза. – Говоришь о круговой поруке? Да? Ты – мне, я – тебе, так? Мафия? Круги дантова ада, да?..

– Любишь словами всё обвешивать, – спокойно ответил шеф. И подмигнул. —Только всё гораздо сложнее. Ведомственные неувязки можно рубануть мечом Македонского, а человеческие... – Он вздохнул. – Всё гораздо сложнее.

Они вновь замолчали. От озера потянуло свежестью, и солнце качнулось, отыграло бликами на водной глади, будто нехотя покидало устойчивое зенитное положение. Девичьи фигурки вернулись к зданию аэропорта. Кеха, вновь проводив их взглядом, грустно процитировал:

– А лукавые ундины проплывают будто льдины. Берём? – кивая на вьючник, уже громко спросил он. Но, не дождавшись согласия, и, переменяв тон, предложил:

– Паш, а не пойти ли нам утопиться в этом славном озере? Обмоем сизифов пот.

Пал Палыч хмыкнул и нехотя поднялся.

– Слушай, Кеха, давай вьючник-то унесём? – неуверенно предложил он.

– Хорошая идея, но ты опоздал, Паша, моё предложение прошло первым. Слушай, Паша, давай с тобой идеями дружить?..

– Это как?

– Как дружат семьями. Ходят друг к другу в гости по очереди. Дарят подарки по праздникам, перебиваются в минуты грусти и тоски... А мы – идеями! Ты ко мне – с идеей, я к тебе – с идейкой. Ты мне – рац, я тебе...

– Ты – мне, я тебе... Пошло. Давай с тобой, Кеха, лучше... ботинками дружить.

Семёнов внезапно снова загрустил.

Отдышавшись от заплыва, парни прыгали у берега на одной ноге под пронзительно любопытными взглядами лопарских ребятишек. Внезапно, словно из пены озёрной, перед ними возник знакомый Семёнову человек от вертолёта. Задыхаясь от бега, он прохрипел, порывисто указывая на лётное поле:

– Ящик убрать!.. с лётного поля! Бег-гом! «Аннушка» на посадку идёт! Па-а-шёл! – он резко рванул Семёнова за руку, вытаскивая из воды...

– Паша, ящик! – в тон ему ужаснулся Семёнов и прытко побежал в сторону вьючника.

Пал Палыч растерянно попятился в воду.

Кеха легко, точно не касаясь босыми ногами пересушенной комковатой почвы, бежал к беспечно брошенному вьючику. Скорее! опередить стремительно падающую на взлётную полосу лётную машину! Успеть!.. И Кеха летел, срывая дыхание, финишируя, точно на олимпийский рекорд, «педалировал» из последних. Идиоты! Бросить сундук – ни там, ни тут! – на узенькой полосе взлёта и посадки!..

Оттянув вьючник в сторону, Семёнов устало повалился на него. Обдало вихрем пыли и тёплого воздуха: пассажирский биплан Ан-2 благополучно и даже небрежно коснулся жёлтой песчаной полосы и пронёсся мимо. И – ничего не произошло! Фейерверк пыли, короткий грохот двигателя, угасающий в ушах... – как избавление от бед.

Семёнов широко улыбнулся, помахал рукой в сторону озера, разглядев сквозь столб пыли шефа, спортивным шагом покрывающего остаток расстояния. Пал Палыч спешил, но не очень. На лице его сияло солнце благополучного исхода. Следом за ним спешил дядька, только что предупредивший бог весть что... «Будет двигать речь», – без эмоций подумал Кеха и ещё раз приветственно помахал рукой.

Пал Палыч резко застопорил на посадочной полосе и... и остановился там, сел. Солнце на его лице погасло.

– Я же тебе говорил, – уныло произнёс он.

– Да брось ты, Паша... – решительно оборвал Кеха. – Что, будем проводить анализ не случившегося несчастного случая? Может, акт составим по форме?

– Вот это и есть наше российское... – Шеф не произнёс нужного слова и удручённо махнул рукой.

– Сейчас дядя по-русски нам всё и объяснит. – Пал Палыч встал и подошёл к Семёнову. Молча ждали дядьку. Он на бегу погрозил кулаком и издали же начал, срываясь на крик:

– Вы что, парни, к теще на блины приехали? Вон, вон и вон! Хватайте свой сундук и к ядрёне-фене... И чтоб духу вашего...

– Спокойно! – перебил дядьку Семёнов. И в голосе его прозвучали такая властность, убедительность, или даже просьба, что дядька оторопел и запнулся. – Спокойно, товарищ пилот.

Мы всё поняли. Все проанализировали. И сию же минуту – к ядрёне-фене! Паша, бери выючник!..

Парни схватили выючник и почти бегом потащили его к складу. Пал Палач неожиданно фыркнул и громко захохотал. Смех его был так заразителен, что и Кеха не выдержал и фыркнул.

Через полчаса они вернулись к озеру.

– Там, – Кеха через плечо показал на абракадабру аэропортовских коммуникаций, – мы самые популярные люди на сей момент, эдакие тараумары... Но это тот случай, когда лучше быть первым другом какого-нибудь Миклухо-Маклая из племени Тараумара, чем самым плохоньким актёром Голливуда... Популярность нам сейчас нужна, как трикони балерине. Кстати, надо выяснить: наш полёт ещё не отменён? И на чём мы летим: на поле не одной дежурной машины, кроме этого кукурузника?.. Пойду в контору, там Катюшка есть...

– Не паникуй. Понимаешь, мальчик, нам, кажется, крупно повезло: там, – Пал Палыч показал на коммуникации, – ожидает вертолёт какой-то депутат поссовета, возвращающийся с сессии райсовета... Правда, он не один, но согласился захватить нас попутно до лагеря геологов. В общем, вечером мы уже разобьём бивачок: поставим одну-две палатки, натянем тенты. Жил в палатке?

– Нет, – честно признался Семенов.

– Всё впереди.

Отдышавшись от очередного заплыва, парни попрыгали на одной ноге и натянули штормовки, спасаясь от жгучего комариного стада. Успокоившись, лёжа под полуденным северным солнцем, они задумчиво замолчали, обдумывая каждый своё. Необходимо было осмыслить сумбур событий сегодняшнего дня и – перспективу. Семёнов молча соскочил и решительно направился в сторону коммуникаций. Пал Палыч недоумённо повёл головой.

...Вечером Ми-2, или Ми-4 возьмёт их в себя. Песок качнётся под крылом вертолёта и закружится в вихре жёлтым живым волчком. Короткий разбег и – снова в пути! На взлёте вертолёта земля вздыбится и бросится на иллюминатор в атакующем порыве.

Рябь по воде, расходящийся волновой след от быстрой рыбацкой моторки, ленточки грунтовых дорог и троп, мало ветвящихся здесь, в тундре, – детали ландшафта, словно кадрики не отснятого кинофильма останутся далеко-далёко, словно на другой планете. А впереди – Вороньи Тундры!

Открытие сезона

С юга тянуло холодком. На взлобке, где стояли две первые палатки, сухо шелестела жёсткая буровато-жёлтая поросль тундровых кустарников. Ниже – в посёлке, центром которого громоздилась баня, нелепая в своей стилевой архитектурной яви, группки нехитрых коробочек-балков и брезентовых белокупольных храмов, – растительность была вытоптана напрочь, до щебня и плитняка. Холодные извивы ветерка чётко обозначались рваными шлейфами голубых дымов. Строчки их, вырвавшись из чёрных труб строений и палаток, гнулись, вихрились и быстро растворялись в белёсых сумерках белой ночи. На высоком флагштоке, вознёшемся над центральным балком, окутанном паутиной антенн и растяжек, вяло всплёскивалось оранжевое полотнище флага, на котором раз за разом улавливались привычно-знакомый символ КолФАна и ниже, не менее привычные, исполненные грубоватой прелести слова – «Вороньи Тундры – 1973».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.